

СОПРОТИВЛЕНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОМУ РАСКОЛУ НАСЕЛЬНИКОВ И ПРИХОЖАН СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ Г. САРАТОВА

Основанный около 1680 г. Спасо-Преображенский мужской монастырь был ликвидирован в 1920-е гг., в начале 1930-х монастырское кладбище сравняли с землей, собор и колокольню разрушили. В 1954 г. в сохранившихся монастырских постройках разместилось военно-химическое училище (впоследствии — Саратовский военный институт биологической и химической безопасности). 22 марта 2011 г. Священный Синод Русской Православной Церкви постановил благословить открытие Спасо-Преображенского мужского монастыря города Саратова. Возрождение монашеской жизни в этой древней обители привело к повышению исследовательского интереса к ее истории. Настоящая статья призвана пролить свет на одну славную, но совершенно неизвестную ее страницу.

Обновленческий раскол — едва ли не самое трагическое событие за всю историю Русской Православной Церкви. Саратовской губернии, находившейся в эпицентре голода 1922–1923 гг., предстояло включиться в эту грандиозную авантюру советской власти одной из первых¹. 19 мая 1922 г. в печати

¹ См. об этом: *Краснощеков К., свящ.* Голод 1921–22 годов в Саратовском Поволжье и зарождение обновленческого раскола // Труды Саратовской православной духовной семинарии. Выпуск 1. Саратов, 2008.

появляется воззвание «Верующим сынам Православной Церкви России» — первый документ, подписанный совместно московскими, петроградскими и саратовскими обновленцами и являющийся программным для «Живой Церкви». В своем воззвании обновленцы осудили «иерархов и пастырей, виновных в организации противодействия государственной власти по оказанию ею помощи голодающим и в ее других начинаниях на благо трудящихся», а также заявили, что «считают необходимым немедленный созыв Поместного Собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении Церковью и об установлении нормальных отношений между нею и советской властью»².

Захват власти в Русской Православной Церкви кучкой священников был самой рискованной аферой, и, возможно, обновленческое Высшее церковное управление быстро кануло бы в Лету, если бы за дело не взялись их партнеры из ОГПУ. В кратчайший срок был создан особый институт уполномоченных ВЦУ, которые назначались из священников-«живоцерковников», пользующихся доверием ГПУ, в тесном контакте с которым они действовали. Эти уполномоченные в кратчайший срок были разосланы во все епархии Русской Церкви и при содействии местных чекистов стали приводить непокорное духовенство к верности новой церковной власти.

В секретной телеграмме Саратовскому губкому из ЦК РКП пишут: «необходимо принять меры к тому, чтобы взять на учет лояльные элементы духовенства и побудить их выступить против нынешней церковной иерархии, которая выступила контрреволюционно против советской власти <...>. Лояльные элементы духовенства должны получить уверенность, что советская власть, не вмешиваясь во внутренние дела Церкви, не позволит контрреволюционным иерархам расправиться с демократическими элементами духовенства <...>. Ни губкомы,

² Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). М., 1995. Кн. 1. С. 193–195.

ни губисполкомы ни в коем случае не участвуют в этой работе официально или открыто. Инициатива должна исходить от демократических попов и верующих мирян. Работу в указанном смысле надлежит вести энергично, дабы довести до конца то движение, которое возникло в недрах Церкви на почве изъятия ценностей»³. В развитии этой директивы рекомендуется «оказать всякую возможную, но не официальную поддержку обновленческому движению <...>»⁴.

Несогласные лишались своих мест, а зачастую и арестовывались. В том числе был лишен кафедры и уволен на покой «за непризнание церковной власти» саратовский епископ Досифей (Протопопов), на место которого 19 июля 1922 г. сел его викарий епископ Николай (Позднев), новую власть признавший⁵. Очевидец этих событий церковный деятель Саратовской епархии А.А. Соловьев пишет, что верующие «объясняли это тем, что “старик выжил из ума”. По-видимому, такое объяснение было правильным, так как он вскоре от “живоцерковников” перешел к саратовским беглопоповцам, получив у них громкий титул “митрополита Саратовского и всея Руси”»⁶.

Резиденция епископа Николая находилась в Спасо-Преображенском монастыре Саратова. К чести обители, насельники и коллектив верующих отказались признать обновлен-

³ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 78.

⁴ Там же. Л. 104.

⁵ См.: Саратовские известия. 1923. 16 июня, № 133. С. 3. Впрочем, в 1923 г. еп. Николай Позднев, по его собственным словам, разочаровался в обновленчестве и решил присоединиться к старообрядцам. Он был принят в старообрядчество вторым чином (через миропомазание) в сане архиепископа. Обновленческий Синод в ответ запретил его в служении 27 ноября 1923 г. Именовался архиепископом Московским, Саратовским и всея России древлеправославных христиан. Основатель «Новозыбковской иерархии».

⁶ Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А.А. Соловьева. <http://pstgu.ru/download/1294750610.pub3.pdf>

ческого епископа. Согласно советскому законодательству о культах, 17 апреля 1923 г. было созвано общее собрание коллектива верующих по вопросу, кому будут принадлежать монастырские храмы — епископу Николаю или монахам и прихожанам монастыря. Собрание приняло сторону православных и отказалось повиноваться епископу Николаю, равно как и находиться с ним в евхаристическом общении.

В конфликт оперативно вмешалось ГПУ, что, в общем-то, было для обновленцев обычной практикой. Дальнейший ход событий реконструирован нами по материалам архивно-следственного дела ОФ 8243 из архива УФСБ по Саратовской области.

24 апреля 1923 г. состоялся допрос (более похожий на донос) епископа Николая в качестве свидетеля, на котором он показал: «Я как епископ служу в Спасо-Преображенском мужском монастыре, являюсь обновленцем церковного движения. Часть монахов монастыря — сторонники старой Церкви. В лице: иеромонаха Ионы, иеромонаха Гермогена, иеромонаха Парфения, иеродьякона Анатолия, которые начали среди граждан травлю против меня, желая меня как обновленца удалить из монастыря. Такое требование они предъявили совету коллектива верующих, последний, не решаясь самостоятельно разрешить этот вопрос, созвал на 17 апреля общее собрание верующих прихода. Вся указанная группа присутствовала на этом собрании, и тут же к ним присоединились еще иеромонах Сильвестр и иеродьякон Софроний, которые последнее время служили в скиту и таким образом никакого отношения к монастырю не имели. На этом собрании первым выступил иеромонах Иона, который в выпадах против меня как обновленца сказал еще: “Я не признаю епископа Николая и обновленцев вообще за то, что они признают и работают заодно с соввластью”, что доказывает его контрреволюционность. Здесь же выступал мирянин С.Г. Созонов, секретарь данного собрания, который в своей речи указал, что дальнейшая служба

епископа Николая в монастыре невозможна, так как он противник Патриарха Тихона и сторонник соввласти и ВЦУ.

Дальше выступал председатель собрания мирянин Борисов, имя и отчества не знаю, который старался воздействовать на массу словами: “Можно ли идти за епископом Николаем, когда он “красный” и признает ВЦУ? Мы же не разделяем таких взглядов!”.

Потом выступал председатель коллектива верующих Бочкарев Андрей Дементьевич и советовал стоять за Патриарха Тихона и препятствовал выступлению лиц обновленческого течения. В речи он указал: “Не нужно признавать ВЦУ и советскую власть, за которую стоит епископ Николай”. Дальше применил угрозы к лицам обновленческого движения и хотел нас выгнать с собрания.

Указанные выше монахи и члены совета коллектива верующих за несколько дней до собрания ходили по монастырской слободе и агитировали среди граждан, навязывая свое мнение, высказанное ими после на собрании.

Член совета коллектива верующих гр. Максим Ефимович Митясов на собрании открыто заявил, что не признает епископа Николая потому, что он признает советскую власть и стоит заодно с коммунистами. Он же ходил по монастырской слободе и собирал подписи среди горожан кто за старую Церковь, кто против.

После собрания монахи, в особенности иеромонах Гермоген, стали агитировать среди граждан против епископа Николая, говоря: “Как же можно признавать Николая, когда он послал признательную телеграмму высшей советской власти и Владимиру Ильичу Ленину с пожеланием скорого выздоровления?”.

На собрании еще выступал иеромонах Сильвестр, высказывался против ВЦУ как незаконной духовной власти, всецело стоящей на стороне советской власти. К его голосу присоединился иеродьякон Анатолий, который сказал, что епис-

коп Николай награждает только тех лиц, которые признают ВЦУ и советскую власть и идут против Патриарха Тихона.

После этого собрания монахи в субботу отслужили самостоятельно всенощную в Дмитриевской церкви в монастыре, во время службы выступал иеромонах Иона с речью к гражданам и убеждал их не идти за епископом Николаем как еретиком и богоотступником, всецело стоящим на стороне советской власти, и просил граждан защищать монахов и поддерживать их монархическо-тихоновскую политику. Чтобы привлечь народ к себе на службу они в субботу и воскресенье расставили у ворот и на улице своих агентов и убеждали народ идти только в Дмитриевскую церковь. В заключение иеромонахи Гермоген и Иона заявили, что все требы будут исполнять только они, и просили народ обращаться только к ним»⁷.

Политический донос был излюбленным методом борьбы обновленцев. Причем абсурдность обвинений их абсолютно не смущала. Невозможно представить, что в Саратове в 1923 г. на публичном собрании кто-то мог позволить себе антисоветские выпады, подобные вышеприведенным. Это подтверждают и показания арестованных по обвинению в участии в контрреволюционной организации. 5 мая 1923 г. допрашивают обвиняемого Демьянова Сергея Максимовича (иеромонах Сильвестр), 54 лет: «На собрании верующих Спасо-Преображенского монастыря я присутствовал. Выступлений в речах против соввласти на собрании ни с чьей стороны не было. Сам я выступал исключительно на религиозной почве, упоминавший, что “Живая церковь” работает заодно с соввластью я не делал»⁸.

В этот же день допрашивают обвиняемого Сазанова Сергея Григорьевича, 34 лет, железнодорожник, который показал, что: «Никаких выступлений против Соввласти на собрании не было. Я выступал, разъясняя причину, почему нельзя идти

⁷ Архив УФСБ по Саратовской области. Д. ОФ 8243. Л. 41–42.

⁸ Там же. Л. 44.

за церковными обновленческими группами, причем с соввластью ни ту, ни другую группу не связывал, и никаких упоминаний, что соввласть покровительствует живоцерковникам, не делал»⁹.

В этот же день допрашивают обвиняемого Митясова Максима Ефимовича, 58 лет, сапожник, который показал, что: «Никаких выступление против соввласти не было. Сам я выступал, сказал несколько слов. Живоцерковцев “красными”, или “коммунистами”, или “советскими попами” никогда не называл. Против соввласти никогда не говорил, ибо я ей сочувствую»¹⁰.

В этот же день допрашивают обвиняемого Борисова Михаила Андреевича, 55 лет, техника-строителя, который показал: «На собрании 17 апреля 1923 г. верующих Спасо-Преображенского монастыря я был председателем. Несмотря на весьма бурное настроение и безобразное поведение части присутствовавших, никаких выступлений против соввласти не было, в частности, я не выступал. “Красным” и “коммунистом” я епископа Николая и вообще церковнослужителей обновленческого движения не называл ни на этом собрании, ни до этого»¹¹.

В этот же день допрашивают обвиняемого Бочкарева Андрея Дементьевича, который показал: «Я состою председателем совета коллектива верующих, на собрании 17 апреля я присутствовал. Выступлений против соввласти не было, только племянник епископа Николая выступал и говорил: “Раз вы не признаете ВЦУ, значит, вы не признаете и соввласть”. На что я возразил и сказал: “Не смешивайте власть гражданскую с ВЦУ, ибо оно к власти гражданской никакого отношения не имеет и признание ее есть дело совести каждого гражданина”»¹².

⁹ Архив УФСБ по Саратовской области. Д. ОФ 8243. Л. 46.

¹⁰ Там же. Л. 48.

¹¹ Там же. Л. 50.

¹² Там же. Л. 52.

В этот же день допрашивают обвиняемого иеродиакона Анатолия (Навозова Анатолия Андреевича), 24 лет, который показал: «Никаких выступлений против соввласти на собрании не было. Сам я выступал, говоря о неправильной раздаче епископом Николаем наград, ничего о советской власти и ее признании не говорил»¹³.

4 мая 1923 г. допрашивают обвиняемого иеромонаха Гермогена (Клюева Георгия Матвеевича), 55 лет, который показал: «Должен сказать, что на собрание явились лица с целью сорвать его. Например, председателя тащили за рукава, кричали и шумели, почему в конце концов и пришлось закрыть собрание... Еще выделялась одна женщина, которая тут при всех кричала, что “я вас всех все равно арестую”. Фамилию ее я не знаю, но она партийная, то есть коммунистка, и до этого в церковь никогда не ходила... Я сам ни с кем ни в какие суждения после собрания и во время его не вступал. В частности, против посылки епископом Николаем телеграммы во ВЦИК и т. Ленину никому не высказывался»¹⁴.

4 мая 1923 г. допрашивают обвиняемого иеромонаха Иону (Васильченко Николая Емельяновича), 1881 г. р., который показал: «На это собрание явились лица, никогда не посещавшие церковь и, по некоторым данным, точно это подтвердить я не могу, даже партийные, то есть коммунисты, которые и сорвали собрание криками и шумом... Никаких выпадов против советской власти я не делал и вообще о ней не упоминал. После этого собрания Саратовский епископ Николай стал угрожать всем монахам арестом, говоря: “Я вас всех арестую!”... Выступая против епископа Николая как обновленца в церковном движении, я, однако, выражения, что не признаю его за то, что он признает соввласть, допустить не мог, потому что соввласть и я признаю»¹⁵.

¹³ Там же. Л. 54.

¹⁴ Там же. Л. 56.

¹⁵ Там же. Л. 58.

От прихожан Спасо-Преображенского монастыря в «Президиум ГПУ» поступило ходатайство следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся прихожане коллектива Спасо-Преображенского монастыря, настоящей подпиской подтверждаем, что арестованные по распоряжению ГПУ лица (далее имена арестованных. — К.К.) на общем собрании коллектива, состоявшемся 15 апреля с. г. против советской власти не говорили и никаких контрреволюционных выступлений не делали, и ходатайствуем перед ГПУ об отпуске их на свободу под наше поручительство»¹⁶. Далее 170 подписей.

Но ни ходатайства верующих, ни упорное отрицание своей вины обвиняемыми не возымели действия на органы ГПУ. 2 июля 1923 г. ими было выдвинуто обвинение «в участии в контр. революц. организации, выразившейся в возбуждении масс против соввласти, то есть преступных действиях, предусмотренных 62 ст. УК»¹⁷. «В связи с возникновением в церкви разных религиозных течений часть духовенства создала организованную группу оппозиции, имея целью воспользоваться борьбой этих течений для борьбы против Соввласти, главным образом путем возбуждения населения против нее <...>. В начале обновленческого движения под давлением коллектива верующих, состоящего исключительно из лиц пролетарского происхождения (пригородный рабочий поселок), а следовательно, по идеологии своей сочувственно относящихся к обновлению вообще, монахам пришлось, не желая быть выброшенными коллективом (священнослужители приглашаются по выбору коллектива), подчиниться общему направлению верующих, то есть примкнуть к обновлению. С течением же времени путем подпольной агитации и пропаганды указанная ячейка монахов сумела склонить на свою сторону часть членов совета коллектива и вообще верующих, играя на религиозных предрассудках этих масс, и, получив в свои руки ру-

¹⁶ Архив УФСБ по Саратовской области. Д. ОФ 8243. Л. 83.

¹⁷ Там же. Л. 92.

ководство над ними, использовали борьбу этих двух религиозных течений для явной борьбы против советской власти. В середине апреля монахи открыто выступают с данной антисоветской деятельностью перед массой, заявив предварительно совету коллектива верующих, что в силу того, что обновленцы церковники встали на сторону соввласти и признают таковую, они от дальнейшей совместной службы с ними отказываются, так как сами этих взглядов не разделяют <...>.

Следственным производством подтвердилось:

1. Факт существования ячейки — организации монахов вообще.

2. Контрреволюционность данной организации <...>¹⁸.

В Постановлении по делу от 7 июля 1923 г. говорится: «Принимая во внимание, что следствием не добыто достаточных данных для привлечения всех упомянутых граждан к судебной ответственности, между тем как оставление их на свободе даст им возможность продолжать и еще шире развить свою контрреволюционную деятельность, что передача дела для разбора его в гласном суде будет нецелесообразна по вышеизложенным мотивам, а также что это обстоятельство повлечет за собой расконспирирование методов работы органов ГПУ, руководствуясь постановлением ВЦИК от 16. 10. 1922 г.

ПОСТАНОВИЛ: Направить настоящее дело в Коллегию ГПУ для передачи его в комиссию при НКВД по административным высылкам на предмет заключения в концентрационный лагерь по три года гр. гр. Васильченко Николая, Ключева Георгия, Демьянова Сергея и Навозова Алексея»¹⁹.

И все же советская карательная машина на этот раз дала сбой, что случалось с ней очень редко. В «Заключении по делу» от 24 августа 1923 г. говорится: «... Следствием инкриминируемое обвинение по ст. 69 Уголовного кодекса не доказано. Привлеченные по настоящему делу гр. гр. Васильченко, Ключев,

¹⁸ Там же. Л. 95–95 об.

¹⁹ Там же. Л. 96.

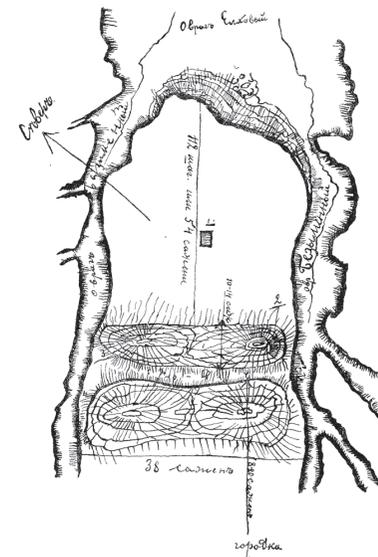
Демьянов и Навозов показали, что никогда не выступали против соввласти, так как признают ее как законную власть — власть трудящихся. Принимая во внимание все вышеизложенное, полагаю: за отсутствием состава преступления вышеназванных гр.гр. из-под стражи освободить, дело с заключением представить на утверждение Коллегии, следствием прекратить и сдать в архив»²⁰.

Причины этого освобождения не ясны, возможно, это как-то связано с освобождением с Лубянки 28 июня 1923 г. Патриарха Тихона, что ознаменовало новый виток «церковной политики» советской власти. Дело в том, что «ортодоксальный» голос в партийном руководстве не умолкал никогда. Еще в сентябре 1922 г. И. Степанов предупреждал о том, что «не следует преувеличивать победу. “Живая церковь”, “прогрессивное духовенство”, “современная религия” — это побрякушки, противоестественные словосочетания, удел кадетов и их мелкобуржуазных прихвостней — эсеров и меньшевиков. Раскол — это отчаянная попытка перестроиться, подновить оружие, занять новые позиции... Умнейшая часть духовенства правильно учла, что открытый политический союз с буржуазией и помещиками может быть только пагубным для духовного ремесла в рабоче-крестьянской республике»²¹.

Большевикам не нужна была никакая Церковь, даже послушная обновленческая, и древний принцип «разделяй и властвуй» пришелся здесь очень кстати. Но Православие выжило, и Спасо-Преображенский монастырь г. Саратова внес в это свою лепту.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕЛА АХМАТ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЯ, НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И СУЕВЕРИЯ, ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ

Изучение истории Саратовского края интересно и актуально в наши дни, так как в ней еще существует до сих пор множество тайн, ответы на которые можно найти при ее тщательном анализе. История села Ахмат, входящего в состав Красноармейского района (ранее Камышинского уезда), интересна и занимательна.

План городища

²⁰ Архив УФСБ по Саратовской области. Д. ОФ 8243. Л. 2.

²¹ Степанов И. О «смене вех» в церкви и о наших задачах / Коммунистическая революция. 1922. № 9–10. С. 8–9.